

Замечания к Акту

по результатам государственной историко-культурной экспертизы проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения «Производственные корпуса трикотажной фабрики «Красное знамя» по адресу: г. Санкт-Петербург, Пионерская улица, дом 53, литера А: «Проект ремонта, реставрации и приспособления для современного использования объекта культурного наследия регионального значения «Производственные корпуса трикотажной фабрики «Красное знамя», расположенного по адресу: г. Санкт-Петербург, Пионерская улица, дом 53, литера А», шифр: КМ-103_21, разработанной ООО «ГЭМ Инжиниринг» в 2021 году г. Санкт-Петербург, «27» января 2022 года

Настоящая историко-культурная экспертиза (далее ГИКЭ) фактически является продолжением ГИКЭ М. Филиповича (2021 г.) в целях обоснования целесообразности включения в гос. реестр ОКН выявленного ОКН «Комплекс построек фабрики «Красное знамя» (<http://heritage-expert.ru/joint-heritage/32-joint-heritage/322-novyj-udar-po-kontseptsii-erikha-mendelsona>).

Необъективно согласованная КГИОП ГИКЭ Филиповича привела к снятию КГИОП с охраны ценных объектов 2-й очереди строительства. Из этой порочной, основанной на антинаучных, откровенно ложных посылах ситуации, вытекают выводы и рассматриваемой здесь ГИКЭ 2022 г. (авторы М. Штиглиц, М. Филипович, А. Овсянникова).

Заключение по результатам рассматриваемой ГИКЭ и ее вывод являются необоснованными, а рассматриваемый в ней проект – разрушительным по отношению к объекту культурного наследия мирового значения.

Авторами проекта и авторами ГИКЭ полностью игнорируются признаки вида объекта, как АНСАМБЛЯ. В этом качестве он состоял под охраной до 2021 г. и, несмотря на снятие с охраны ряда его элементов, юридически и фактически, архитектурно, продолжает оставаться им и сегодня, на февраль 2022. Подвергнутый «ампутации» в соответствии с выводами ГИКЭ М. Филиповича 2021 г., поддержанными М. Штиглиц и ее окружением, и последовавшим за ними приказом председателя КГИОП, ансамбль, согласно рассматриваемой ГИКЭ, «сохраняется и реставрируется». Однако де-факто он трансформируется и искажается, лишаясь своих исторических элементов 2-й очереди.

Авторами ГИКЭ не было сделано никаких попыток профессионального анализа концепции ансамбля Эриха Мендельсона, результатов ее реализации и степени сохранности. Это неудивительно: такой анализ непременно подтвердил бы факт существования ансамбля Мендельсона, с частичными изменениями, сделанными советскими архитекторами 1920-50-х гг. Поздняя дата – не ошибка: даже в послевоенные годы наши зодчие не пошли по пути утилитарной трактовки чулочно-красильного цеха, а продолжили воплощать композицию Мендельсона!

Авторам ГИКЭ это глубоко безразлично. Они, стремясь принизить культурную ценность ансамбля, ставят акцент на «отказе Мендельсона от авторства» (без всяких ссылок на источник этой информации). Вместе с тем, согласно мнению П. Кноха (1992) мастер лишь «дистанцировался от своего проекта». М. Макогонова, автор первого русского серьезного исследования по истории строительства фабрики (1995), пишет, что архитектор «отказался от авторского надзора». И главную роль в этом сыграло не столько упрощение его проекта его советскими коллегами, сколько компания травли мастера, организованная другими архитекторами, от которых ускользнул выгодный заказ.

Ансамблевые качества исторического объекта очевидны для каждого профессионала в области архитектуры и истории искусств. К этому стремился сам Эрих Мендельсон: «...Пространственная композиция приводит контрасты к гармонии и архитектурной ясности» (1929); «...Здания различного назначения сведены в единый производственный и архитектурный организм» (1930). И несмотря на изменения, привнесенные в проект советскими архитекторами, на незавершенность корпусов вдоль Большой Разночинной и

Корпусной улиц, концептуальная основа замысла Э. Мендельсона сохраняется до сих пор. Силовая станция и сегодня остается «*кораблем, влекущим за собой всё производство*»: «триаду» отбельно-красильных цехов и главный цех. Проекты Э. Мендельсона для всех этих элементов (в том числе ТЭЦ) в той или иной степени были переработаны без изменения ансамблевой концепции мастера. В этом и заключается их ценность как уникального памятника совместной советско-немецкой художественной культуры. Вот что говорят об этом современные исследователи:

«Несмотря на досадную фрагментарность и незавершенность воплощения оригинального проекта Мендельсона, его фабрика стала шедевром архитектуры Современного движения в Ленинграде» (М. Макогонова, 1995).

«Несмотря на то что осуществленный комплекс предстал в сильно обедненном виде, он явился значительным образцом промышленной архитектуры периода конструктивизма» (Б. Кириков, М. Штиглиц, 2004).

«...Весь комплекс является значительным памятником ленинградского авангарда» (Б. Кириков, М. Штиглиц, 2008).

«Несмотря на искаженную и неполную реализацию идеи архитектора, фабрика «Красное знамя» относится к шедеврам современной архитектуры Ленинграда. Формообразующие решения, пластическая экспрессия и динамика архитектурных форм, которые Мендельсон вложил в проект для фабрики «Красное знамя», нашли свой отклик в архитектуре Ленинграда и Советского Союза» (И. Альтер, 2008-2010).

«Несмотря на искаженную и неполную реализацию идеи знаменитого архитектора, фабрика «Красное знамя» относится к шедеврам современной архитектуры Ленинграда» (М. Штиглиц, ГИКЭ 2015, заимствовано у И. Альтер).

«Важнейшим памятником... стала новая часть трикотажной фабрики «Красное знамя». Возведение ее... явилось результатом полного конфликтов сотрудничества автора проекта... с ленинградскими коллегами. Композиция соединяет черты функционализма и экспрессионизма и воплощает постулат автора «функция плюс динамика» (М. Штиглиц, 2020).

«...Несмотря на искаженную и неполную реализацию идеи архитектора, фабрика «Красное знамя» относится к шедеврам современной архитектуры Ленинграда. Формообразующие решения, пластическая экспрессия и динамика архитектурных форм, которые Мендельсон вложил в проект для фабрики «Красное знамя», нашли свой отклик в архитектуре Ленинграда и Советского Союза» (М. Штиглиц, 2021, заимствовано у И. Альтер).

Сегодня ансамбль фабрики «Красное знамя» «трудами» М. Филиповича, М. Штиглиц и А. Овсянниковой на грани непоправимого искажения.

Двойные стандарты один из авторов ГИКЭ, М. Филипович, применил в 2021 г., а ныне все трое продолжают применять их в сравнительной оценке двух очередей строительства. Ценность 2-й очереди ими намеренно принижается. Так, по ее поводу в ГИКЭ говорится: «В ходе проектирования, ведущегося практически параллельно со строительством, оригинальное авторское решение комплекса было изменено и упрощено» (с. 16). В то же самое время деятельность советских коллег Мендельсона в 1920-х гг., также основанная на достаточно радикальной корректировке и приспособлении проекта мастера, послушно, в соответствии с установкой заказчика, подтвержденной охранным статусом КГИОП, признается имеющей ценность. А ведь именно она в свое время вызвала отчаянье мастера: вспомним строки его письма от 31.07.1926: «...*Строительство начато и испорчено...*». Да и сами авторы ГИКЭ утверждают: «На основе авторского проекта Э. Мендельсона ленинградские архитекторы С.О. Овсянников и И.А. Претро выполнили рабочие чертежи фабрики с привязкой к существующему участку [и] действующим «русским» нормам проектирования» (с. 14). Вместе с тем они отрицают вклад советских архитекторов в сооружения 2-й очереди, достаточно корректный по отношению к концепции Мендельсона. А 2-я очередь в этом отношении ничем не отличается от 1-й!

Неоднократная апелляция авторов ГИКЭ к «авторскому замыслу» Э. Мендельсона является морально устаревшей и с точки зрения современной методики реставрации: подобные методы, отрицающие ценность поздних временных пластов, давно отвергнуты на основании опыта XIX в. Авторы вслед за КГИОП игнорируют значимость наслоений эпохи 1930-50-х гг., тем самым нарушая принципы Венецианской хартии – ее статей 11 и 13: «Наслоения разных эпох, привнесенные в архитектуру памятника, должны быть сохранены, поскольку единство стиля не является целью реставрации. Если здание несет на себе отпечатки многих культурных пластов, выявление более раннего пласта является исключительной мерой и может быть произведено при условии, если удаленные элементы не представляют интереса, если композиция после этого свидетельствует о высокой исторической, археологической или эстетической ценности...».

Статья же 13 хартии гласит: «Дополнения могут быть допустимы только в том случае, если они оставляют нетронутыми все примечательные части здания, его традиционное окружение, равновесие композиции и взаимосвязь с окружающей средой». Это прямо относится к бестактному проекту – объекту ГИКЭ, типичному «дополнению» к ОКН в его нынешней трактовке. В целом случай феноменальный: исторический ансамбль мирового значения откровенно **модернизируется**, имя автора проекта С. Липгарта встает в ряд с именем Эриха Мендельсона, а эксперты ГИКЭ дружно поддерживают происходящее! По нашему убеждению – это результат предварительного сговора с заказчиком и КГИОП, типичный конфликт интересов, вероятно, с коррупционной составляющей.

Абсолютно невозможно согласиться со следующими заявлениями авторов ГИКЭ:

«...Принятые проектной документацией решения обеспечивают сохранность и неизменность исторического местоположения объекта культурного наследия, объемно-пространственного и планировочного решения территории, на которой расположен объект...» (с. 30).

«Реализация представленной на экспертизу проектной документации предусматривает сохранение и восстановление исторических особенностей объекта культурного наследия...» (с. 52),

«...Проектными решениями предусматривается сохранение и восстановление исторического облика объекта культурного наследия...» (с. 53),

«...При частичном понижении планировочной отметки вдоль лицевого фасада главного трикотажного корпуса (1 очередь) и внутренних дворовых фасадов отбельного и красильного корпусов не нарушается и частично воссоздается историческая авторская задумка (!) архитектора Э. Мендельсона о многоуровневом устройстве территории...» (с. 53),

«...Принятые проектные решения по ремонту, реставрации и приспособлению для современного использования здания обеспечивают сохранность объекта культурного наследия..., восстанавливают его исторические особенности...» (с. 54),

Нельзя согласиться и с другими подобными заявлениями, которыми полна рассматриваемая ГИКЭ.

С. Горбатенко